

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ «DE ANALOGIA» И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОЙ «ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ»

Р. В. СВЕТЛОВ И Д. А. ФЕДОРОВ

Российский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена
spatha@mail.ru; piarman@gmail.com

ROMAN SVETLOV and DENIS FEDOROV (A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia)
THE GRAMMATICAL TREATISE *DE ANALOGIA* AND LINGUISTIC CONSERVATISM OF JULIUS CAESAR
IN THE CONTEXT OF THE ANCIENT "LANGUAGE POLICY"

ABSTRACT. In this article are examine certain philological beliefs of Julius Cesar in the context of the "Language Politic" of Roman expansionism. Based on the remaining fragments of the grammatical tract *De Analogia*, the authors come to the conclusions that Cesar wanted to create a language norm that is free from vulgarities and distortions, the one that adhere to strict grammatical rules, which correspond to the spirit of traditional Roman culture, religion and government. We think that in this treatise Cesar shows himself not only as a jealous defender of linguistic antiquarianism but also as an active political reformer, who corrects and transforms the Latin language, infected, in his view, by the illness of barbarization.

KEYWORDS: Language Policy, Ancient Rome, Roman Philology.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01168) в Санкт-Петербургском государственном университете.

Грамматический трактат Юлиа Цезаря «De Analogia» по сей день остается одним из относительно слабоизученных памятников античной лингвофилософской традиции. До недавнего времени данное сочинение, как ввиду чрезвычайно слабой сохранности (трактат известен лишь по отдельным фрагментам), так и узости затронутой лингвистической тематики находилось вне поля зрения специалистов. Попытки реконструкции и адекватной интерпретации содержания трактата предпринимались, в основном, анти-

коведами начала XX в. Можно упомянуть исследования Г. Г. Хендриксена¹ и А. Клотца.² Подробный список отрывков также приводит в своей антологии Х. Фунайоли.³ Последние годы, однако, ознаменовались своеобразным научным прорывом в связи с выходом в свет фундаментального исследования А. Гарсеа, полностью посвященного трактату *De Analogia*.⁴ Таким образом, можно констатировать, что рассмотрение грамматической доктрины Гая Юлия Цезаря, с одной стороны, осложняется ограниченностью и плохой сохранностью доступных фрагментов, с другой же – облегчается благодаря чрезвычайно содержательному и обширному комментарию, составленному А. Гарсеа. Заострим внимание на общей характеристике трактата как специфического грамматического сочинения конкретной исторической эпохи, а также на наиболее значимых лингвистических (и культурно-политических) сюжетах, затронутых Цезарем в этой работе, среди которых особое место занимает концепция лингвистического пуризма, ставящая Цезаря в оппозицию господствующим в рассматриваемый исторический период веяниям в среде грамматиков и риторов.

В литературе высказывались различные мнения относительно даты написания данного произведения – мы, вслед за Г. Хендриксоном⁵ и А. Гарсеа⁶, придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой работа была написана в 54 г. до н.э., т.е. в самый разгар Галльских войн. Будучи посвящен Цицерону (*Gell.* I, 10, 4; *Cic. Brut.* 253) трактат «*De Analogia*» был призван стать своеобразной «отповедью» апологии стилистической пышности и вычурности (характерной для азиатской риторической традиции), воспетой Цицероном в риторическом трактате «*De Oratore*», опубликованном чуть ранее (в 55 г. до н.э.), и, как предполагает Г. Хендриксон⁷, доставленном Цезарю в Галию. Вероятно, аномалистическая позиция Цицерона была столь резко воспринята Цезарем, что не заставила его медлить с ответом, каковым и стало написание «*De Analogia*».

---

¹ Hendrickson 1906, 97–120.

² Klotz 1910, 205–262.

³ Funaioli 1907, 143–158.

⁴ Garcea 2012.

⁵ Hendrickson 1906, 115.

⁶ Garcea 2012, 25.

⁷ Hendrickson 1906, 110–111. Аргументация Хендриксона базируется на свидетельствах, в соответствии с которыми в период Галльских войн Цицерон активно общался с Цезарем через своего брата Квинта, служившего в войсках последнего в качестве легата.

Название трактата («De Analogia» – «Об аналогии») вполне очевидно указывает на приверженность автора к числу сторонников доктрины «александрийской» грамматической школы – т.н. «аналогизма». Напомним,⁸ что спор «аномалистов» и «аналогистов»,⁹ о содержании которого нам известно, главным образом, из трактатов Варрона (*Varr. De Lingv. Lat.*, VIII) и Секста Эмпирика (*Sext. Emp. Adv. Math.* I, 176–240) являлся своеобразным «переносом» в область чистой лингвистики¹⁰ древнегреческой философской дискуссии о происхождении языка («по установлению» (θέσει) либо «по природе» (φύσει)). Последователи т.н. «аналогизма», представленные, в первую очередь, такими крупными античными филологами как Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский, опираясь на требования «симметричности» и «пропорциональности» в области морфологии, отстаивали необходимость выведения и строгого соблюдения формальных грамматических правил – в первую очередь, склонения и спряжения: «...для систематизации и классификации морфологических аспектов александрийцы методом математической пропорции вывели правила языка, прежде всего, правила склонения и спряжения... Аналогия, означая полную симметрию, сходство языковых явлений, являлась критерием истины при исследовании грамматической системы греческого языка».¹¹ В свою очередь, представитель «стойко-пергамской» грамматической школы Кратет Малосский, категорически отвергая доводы аналогистов, придерживался представления о релятивности, условности и конвенциональном характере формальных языковых норм: «отсутствие регулярности, неупорядоченность, по мнению Кратета, очень характерны для языка и нисколько ему не вредят»¹². С позиций Кратета и других «аномалистов», отклонение от формальной «грамматической нормы» – естественное свойство языка, а познание языковых явлений возможно лишь сугубо эмпирическим путем – в первую очередь, посредством наблюдения.

⁸ Проблема античной контрверсии «аналогия – аномалия» достаточно широко освещена в научной литературе. По данному вопросу см. напр.: Каракулаков 1965, 135–159; Blank 1994, 149–165; Blank 2005, 210–238; Collart 1962, 117–140; Colson 1919, 24–36.

⁹ Отметим, что ввиду достаточно слабой источниковой базы, способной пролить свет на дискуссию аномалистов и аналогистов, степень контрверсивности противопоставления точек зрения александрийской и стойко-пергамской грамматической школ часто подвергается сомнению. По данному вопросу см. напр.: Драчёва 2013, 14; 176; Taylor 1974, X.; Collart 1954, 144–149; Ax 1996, 115–118.

¹⁰ Драчёва 2013, 14.

¹¹ Ibid.

¹² Перельмутер 1980, 212.

Таким образом, можно констатировать, что к эпохе Цезаря противопоставление «аналогия vs. аномалия» выступало, как минимум, одной из наиболее значимых и остродискуссионных проблем античного языкознания. Для тематики настоящей статьи, однако, в первую очередь заслуживает внимание рассмотрение вклада в теорию «аналогизма» со стороны Цезаря. Известно, что на образование юного Цезаря в таких областях, как грамматика и риторика, значительное влияние оказали именно последователи аналогизма: в частности, один из учителей будущего великого полководца и политика, грамматик Марк Антоний Гнифон, сам, по некоторым данным, учился в Александрии, где, как предполагается,¹³ и познакомился с основными положениями «Александрийской грамматики» и доктрины аналогистов. Активное стремление Цезаря беспрестанно совершенствовать свои познания и навыки в области грамматики и риторики были удостоены хвалебной характеристики со стороны Цицерона: «чтобы довести свою латинскую речь до совершенства, он с необыкновенным рвением и прилежанием занимался словесностью, даже самой изысканной и отвлеченной» (Cic. *Brut.* 252. Пер. И.П. Стрельниковой).

Реконструкция аргументов Цезаря в пользу защиты грамматических установок аналогистов представляется достаточно сложной проблемой ввиду чрезвычайно слабой сохранности первоисточников. Х. Фунайоли выявил 28 достаточно точно атрибутированных фрагментов «De Analogia» (плюс три “incertus” фрагмента)¹⁴; А. Клотц рассматривал 31 фрагмент¹⁵; новейшее исследование А. Гарсеа оперирует 35 фрагментами.¹⁶ Значительная часть указанных фрагментов относительно малоинформативна, что позволяет лишь с изрядной степенью условности судить о содержании трактата.

В соответствии с суждением А. Гарсеа,¹⁷ в основе лингвистического «пуризма» Цезаря лежит представления о «elegantia» («безукоризненность», «изящество», «стройность») своеобразной философии¹⁸ сохранения первоизданной чистоты «подлинного» латинского языка (*Latinitas*), как своеобразной специфической культурной ценности, унаследованной от предков. В наиболее отчетливой форме данная идеология находит свое отражение в

¹³ Garcea 2012, 21.

¹⁴ Funaioli 1907, 143–158.

¹⁵ Klotz 1910, 205–262.

¹⁶ Garcea 2012, 290.

¹⁷ Ibid., 49–77.

¹⁸ Безусловно, идея сохранения «чистоты» языка не являлась специфическим «открытием» римской грамматики. Данная концепция разрабатывалась, в частности, Аристотелем (см. Arist. *Rhetor.* 1407a).

четвертой книге риторического трактата «*Rhetorica ad Herennium*», посвященной главным образом вопросам стиля.¹⁹ Неустановленный автор данного сочинения определяет «*elegantia*» следующим образом: «*Elegantia est quae facit ut locus unus quisque pure et aperte dici videatur. Haec tribuitur in Latinitatem et explanationem*» (*Rhet. ad Herenn.* 4, 17.). Таким образом, ключевыми составляющими «безупречной» речи он считает чистоту («*latinitas*» – «чистая латынь») и ясность («*explanatio*»).²⁰ Чистота языка, по мнению автора трактата, обусловлена воздержанием говорящего от использования солецизмов и варваризмов: «*Latinitas est quae sermonem purum conservat, ab omni vitio remotum. Vitia in sermone quo minus is Latinus sit duo possunt esse: soloecismus et barbarismus. Soloecismus est cum in verbis pluribus consequens verbum superiori non adcommodatur. Barbarismus est cum verbis aliquid vitiose effertur.*» (*Ibid.*)

В свою очередь, ясность выражений («*explanatio*») («то, что делает речь понятной и прозрачной», *Ibid.*) предполагает употребление общепринятых в обычном бытовом обиходе и семантически корректных терминов (а также, вероятно – сведение к минимуму практики злоупотребления выразительными средствами).

Суммируя вышесказанное, аргументацию автора *Rhetorica ad Herennium* о доктрине «*elegantia*» можно представить в виде схемы (ниже).²¹

Завершая краткий сюжет, посвященный «*elegantia*», неизвестный автор «*Rhetorica ad Herennium*» оговаривается, что более подробное изложение данной лингвистической доктрины представлено в другом его сочинении – грамматическом трактате *Ars Grammatica*, к большому сожалению не дошедшему до наших дней.

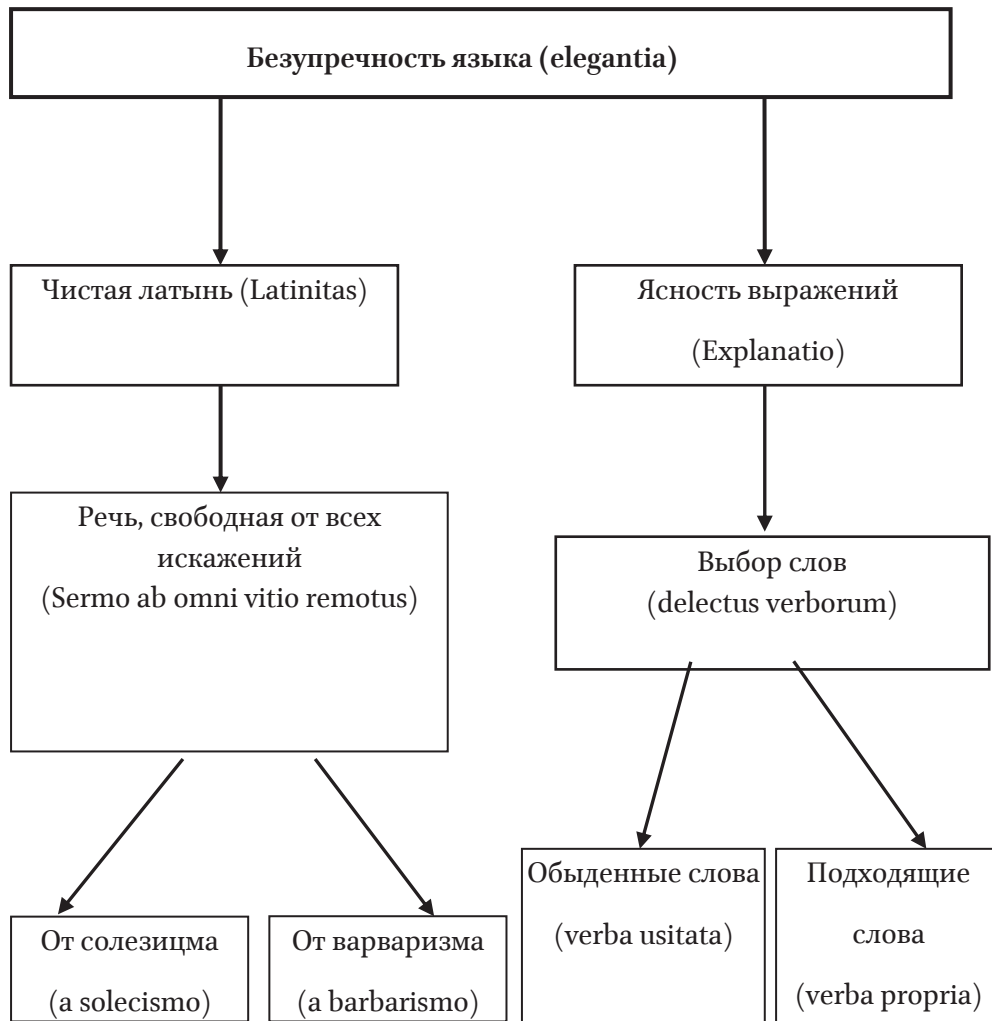
Из риторических произведений Цицерона становится вполне очевидно, что основные положения доктрины «*elegantia*», вполне соответствующей, как было сказано выше, лингвистической идеологии аналогистов, были хорошо знакомы римским риторам первой половины I в. до н.э. (см. напр. *Cic. De Orat.* 3, 3–48; *Cic. Brut.* 37–43).²² Не вызывает сомнений, что в их числе был и Цезарь, получивший, как уже отмечалось выше, вполне достойное грамматическое образование (*Suet. Gram.* 7). Небезынтересным представляется проследить, какие именно аргументы Цезарь применяет в защиту парадигмы «*elegantia*» в своем грамматическом трактате.

¹⁹ Кузнецова, Стрельникова 1976, 82.

²⁰ *Ibid.*, 84.

²¹ При составлении схемы использованы материалы: Garcea 2012, 51.

²² Дополнительная и достаточно подробная аргументация по данному вопросу представлена у А. Гарсеа: Garcea 2012, 53–77.

Пролить свет на отношение Цезаря к концепциям «elegantia» и «Latinitas» позволяют, главным образом, два развернутых пассажа из риторического трактата Цицерона «Брут» (Cic. *Brut.* 253; 258). Наиболее авторитетные исследователи De Analogia – Л. Хендриксон²³ и А. Гарсеа²⁴ – вполне единодушны во мнении, что данные фрагменты (а также, возможно, Cic. *Brut.* 260–261) представляют собой сокращенное изложение некоторых ключевых положений лингвистической доктрины Цезаря – вероятно, из введе-

²³ Hendrickson 1906, 113-114; 117-118.

²⁴ Garcea 2012, 130-132.

ния и первой книги его грамматического трактата, один из которых, как полагает Гарсеа, представляет собой парафраз, а другой – дословную цитату.²⁵

De facto в тексте указанных фрагментов мы можем наблюдать расширенное, обогащённое дополнительной аргументацией и примерами развитие точки зрения, представленной в *Rhetorica ad Herennium* (а также, что представляется вполне вероятным – в несохранившемся сочинении *Ars Grammatica* того же неизвестного грамматика). Также как и автор *Rhetorica ad Herennium*, Цезарь опирается в своих рассуждениях на идеи о «чистой латыни (*Latinitas*) и «выборе слов» (*delectus verborum*). «Почвой и основанием ораторского искусства... служит безупречная и чистая (*emendatam et Latinam*) латинская речь»²⁶ (*Cic. Brut.* 258. Пер. И.П. Стрельниковой) – данное высказывание, по нашему мнению, можно считать своеобразной «декларацией о намерениях», во многом явившейся идеологическим лейтмотивом всей лингвистической доктрины Цезаря. Важно отметить, что относится оно далеко не только к сфере риторики. Отдавая должное риторическому таланту Цицерона и его многочисленным достижениям и прижизненной славе на ниве ораторского искусства,²⁷ римский полководец, в то же время, настоятельно требует уважительного отношения и к повседневной, обыденной речи (*Cic. Brut.* 253), в качестве ревностного защитника чистоты которой и позиционирует себя.

Лингвистический идеал для Цезаря – эталонная, «классическая» латынь, доставшаяся в наследство от славных предков, что и предопределяет ее культурную самоценность. Анализируя достаточно лапидарный пересказ Цицерона (*Cic. Brut.* 258–259) можно сделать предположение, что в своем трактате Цезарь нарисовал перед читателем несколько идеализированную картину «золотого века» латинского языка, чей расцвет пришелся на эпоху «средней» Римской республики – время Сципиона, Лелия и других представителей интеллектуальной элиты конца II в. до н.э.: «в тот век язык был так же чист, как и нравы» (*Cic. Brut.* 258). Римляне той эпохи «говорили правильно» (т.е. сообразно формальным грамматическим «правилам»), не столько благодаря систематическому и целенаправленному обучению (и Цезарь, и Цицерон прекрасно понимали, что римская грамматика в этот период находилась в состоянии становления), сколько из-за общей заботы о существующих обычаях, благодаря которым естественным путем осуществ-

²⁵ *Ibid.*, 82.

²⁶ «Solum quidem... et quasi fundamentum oratoris vides locutionem emendatam et Latinam»

²⁷ Отметим, что степень искренности хвалебных выражений Цезаря в свой адрес сам Цицерон ставит под сомнение (*Cic. Brut.* 255).

лялась межпоколенная трансляция представлений о общепринятой языковой норме. Дальнейшие драматические события римской истории (главным образом – социодемографического характера) привели к существенному «искажению» (*infusco*), порче, упадку языка.²⁸ Данный феномен вполне обоснованно обуславливается Цезарем рядом специфических социолингвистических факторов: по его мнению, в процессе исторического развития и территориального расширения город Рим (также как и до него – Афины) испытал губительное воздействие со стороны многочисленных необразованных переселенцев (вероятно – как провинциалов, так и италиков из муниципий), «говорящих неправильно» (*Cic. Brut. 258*), чье чужеродное влияние и «варварские наречия» вызвали катастрофическое искажение идеализируемой Цезарем «нормативной» латыни, завещанной предками (вполне очевидно, что данный пассаж перекликается с популярным в поздней республике тезисом об «упадке нравов», подробно представленным, в частности, в сочинениях Саллюстия²⁹ (*Sall. Ep., I–II*)). Отсюда проистекает горячая убежденность Цезаря в необходимости «очищения языка» от привнесенной необразованными чужеземцами и вульгарными провинциалами скверны: «с течением времени речь становилась хуже как в Риме, так и в Греции. Ибо как в Афины, так и в наш город стекались из разных мест люди, говорящие неправильно. Оттого и почувствовалась необходимость очистить язык и пережечь его на огне неизменных правил [*sic! – Д.Ф.*], а не следовать искаженным обычаям общего употребления³⁰» (*Cic. Brut. 258*. Пер. И.П. Стрельниковой). В указанной цитате в первую очередь обращает на себя внимание идея «*ratio*», в полной мере отражающая характерные для аналогистов рационалистические представления о языке, как логичной и рациональной системе, основанной на формальных грамматических «правилах» и законах. В тот момент, когда бытовой обычай словоупотребления вступает в зримое противоречие с естественными «законами» языка безусловное предпочтение должно быть отдано в пользу последних.

Консервативные мотивы прослеживаются и в лексикологических рассуждениях римского полководца, живо перекликающихся с другим элементом концепции «*elegantia*» – идее «подбора слов» («*delectus verborum*») во-

²⁸ Идея «порчи языка» вполне характерна и для греческой лингвофилософии – она встречается, в частности, у Платона (см. напр. *Plato, Protag. 325d5–7*).

²⁹ По данному вопросу см., напр.: Утченко 1969, 267–289; Утченко 1977, 158–181.

³⁰ “...sed hanc certe rem deteriorem vetustas fecit et Romae et in Graecia. confluerunt enim et Athenas et in hanc urbem multi inquinatae loquentes ex diversis locis. quo magis expurgandus est sermo et adhibenda tamquam obrussa ratio, quae mutari non potest, nec utendum pravissima consuetudinis regula”.

плотившейся в цитируемом Цицероном афоризме Цезаря из *De Analogia*: «выбор слов есть основа красноречия» («*verborum dilectum originem esse eloquentiae*») (Cic. *Brut.* 253). Закономерно, что под «выбором слов», Цезарь в первую очередь подразумевает освобождение латинского языка от привнесенных за предшествующие десятилетия чужеродных влияний, многочисленных варваризмов и неологизмов, лишь напрасно засоряющих язык. Данное высказывание перекликается с другой широко известной в античности цитатой³¹ из «*De Analogia*», впервые упоминаемой Авлом Геллием: «Словно подводной скалы избегай неслыханного и неупотребительного слова» («*...tamquam scopulum, sic fugias inauditum atque insolens verbum*») (Gell I, 10,4. См. также XIX, 8, 7–8). Очевидный радикализм и метафорическая выразительность («подводной скалы», «пережечь на огне неизменных правил» и т.д.) суждений Цезаря в данном вопросе на наш взгляд, свидетельствуют о глубокой убежденности данного автора в необходимости «воспротивиться переменам» и положить конец бесконтрольному распространению варваризмов и неологизмов.

Лингвистический консерватизм Цезаря проявляется и в немногочисленных свидетельствах его рассуждений о морфологии. Помпоний, вероятно, пересказывая аргументацию Цезаря, определяет понятие «аналогия» как «сопоставление похожего» (*comparatio similitum*). Основанием для подобного сопоставления различных слов является строгое соблюдение следующих грамматических правил (Pomp. *Comment.* p. 197, 31):

1. Совпадение шести «категорий», присущих имени: суть наклонение (*qualitas*), степень сравнения (*comparatio*), род (*genus*), число (*numerus*), форма (*figura*), падеж (*casus*);
2. Одинаковые окончания слогов (напр. “us” и “us”);
3. Одинаковый порядок предпоследних слогов: одинаковые или гласные, или согласные;
4. Одинаковая длина слога.

Лишь при сохранении всех четырех критериев, по мнению Цезаря, можно говорить об аналогии: «Если все они не будут сходны между собой, не сможет получиться сходство (*similitudo*) имени» (*Ibid.*).

Определенный консерватизм прослеживается и в замечаниях Цезаря касательно латинской орфографии. Представление о них можно составить по отдельным фрагментам ряда поздних авторов (главным образом – Харизия и Присциана). Их свидетельства характеризуют симпатию Цезаря к некоторым архаичным орфографическим и лексическим формам: «*isdem*» как

³¹Это высказывание приводят также Макробий (*Macrob.* 1.5.2) и Иоанн Солсберийский (*Ioh. Policr.* 8, 10; *Ioh. Metalog.* 1, 15).

форма множественного числа от «idem» (Char. p. 110, 23); “lac” вместо “lacte” (Pomp. Comment. p. 1.99, 14); употребление в генетиве «Pompelli» вместо «Pompelii» (Prisc. p. 14, 10) и т.д.³² Впрочем, существуют свидетельства, что сам Цезарь далеко не всегда следовал в своих собственных сочинениях предложенному им орфографическому стандарту (Char. p. 110, 23).

Вполне закономерным представляется задаться вопросом, – каким образом доктрина лингвистического консерватизма Цезаря, сформулированная и горячо отстаиваемая им в De Analogia, воплотившись на практике, оказала влияние на стилистическую и лексическую составляющие других сочинений данного автора – в частности, его знаменитых «Записок» (Commentarii). Иными словами, не остались ли громкие призывы римского политика к грамматическому «пуризму» и «очищению языка» не более чем набором пафосных декларативных заявлений? Отметим, что безусловная и категорическая приверженность идеологическим установкам «аналогизма» прослеживается практически во всех сохранившихся трудах Юлия Цезаря. В.С. Дуров, в частности, следующим образом характеризует стилистические особенности сочинений Цезаря: «в *Записках* Цезарь применил стилистические принципы, провозглашенные им в трактате *Об аналогии*. Он устраняет из своей речи неологизмы, архаизмы, иноязычные слова (разумеется, когда в них нет особой необходимости) и одновременно всю ту лексику, которая может придать его стилю новизну и экстравагантность. Он тщательно отбирает слова, пользуясь при этом минимумом лексики и воздерживаясь от чрезмерной синонимии».³³ Отметим, что сдержанный стиль Цезаря вызывал немалое восхищение еще в античности. Вполне характерны, в частности, восторженные слова Цицерона, высказанные в адрес «Записок»: «...в них есть нагая простота и прелесть, ибо они, как одежды, лишены всяких ораторских прикрас... незатейливая и ясная краткость – самое лучшее украшение истории» (Cic. Brut. 262. См. также: Suet. Iul. 56).

Не надеясь подвергнуть сомнению авторитетность приведенных выше комплементарных высказываний относительно «непревзойденной простоты и точности языка»,³⁴ характерной для сочинений Цезаря, мы хотим обратить внимание на вполне сознательное обеднение их словаря и подчеркнутую безэмоциональную «сухость», что отразилась на литературных качествах рассматриваемого сочинения, живо контрастирующего с другими памятниками римской прозы эпохи поздней Республики – в первую очередь, с речами и эпистолярным наследием Цицерона. Впрочем, вполне оче-

³² По данному вопросу см. подборку, составленную А. Гарсеа: Garcea 2012, 100-101.

³³ Дуров 2000, 90–91.

³⁴ Ibid.

видно, что «лапидарно-сухой» слог был для Цезаря своеобразной самоцелью, во многом отражающим подробно рассмотренные выше лингвистические представления данного автора о необходимости сохранения «чистоты» латинского языка, «лингвистический пуризм и грамматическое единообразие»,³⁵ декларируемые в *De Analogia*.

В заключении, нельзя не отметить, что помимо мотивов сугубо гносеологического характера, лингвистический «пуризм» Цезаря был во многом обусловлен его стремлением к решению куда более прагматичных задач. Известно, что мотивация Цезаря к написанию «Записок» (научному анализу которых посвящена обширная литература³⁶) характеризовалась сугубо утилитарной направленностью. Так, широко известно, что «Записки о Галльской войне» в значительной степени преследовали своей целью не столько представить будущим поколением «беспристрастное» (вплоть до использования третьего лица применительно к самому себе) изложение военных событий, сколько оправдать римский экспансионизм, выразившийся в завоевании Цезарем Галлии. В свою очередь, «Записки о Гражданской войне» идеологически обосновывали³⁷ переход Цезаря через Рубикон, развязывание братоубийственной войны и последующее установление единоличной военной диктатуры, что, в конечном счете, привело к крушению основных политических институтов Римской республики. Не является исключением в данном случае и трактат *De Analogia*, составление которого, как мы помним, хронологически предшествует «Запискам».

Вполне обоснованным представляется предположение,³⁸ в соответствии с которым лингвистический трактат Цезаря рассматривался автором не только в качестве антитезы лингвистической теории аномалистов, а также дани уважения древним обычаям словоупотребления, но и как один из дополнительных доводов в пользу скорейшего приобщения покорённых народов к римской культуре и популяризации латинского языка среди лояльной Риму высшей прослойки галльского племенного сообщества. Вполне вероятно, что трактат Цезаря был призван защитить существующую лингвистическую норму, своеобразный грамматический стандарт – «городскую» (*urbanitas*³⁹) латынь (т.е. латынь города Рима), с целью воспрепятствовать распространению презираемой римской аристократией вульгари-

---

³⁵ *Ibid.*, 87.

³⁶ См. Barry 2005.

³⁷ Дуров 1991, 162.

³⁸ Garcea 2012, 4–5.

³⁹ *Ibid.* 7.

зированной «деревенской» (*rustica*) латыни как в недавно завоеванных провинциях, так и в самой Италии.

В этом безусловно присутствовал и политический момент, отраженный во взятых в кавычки словах в названии нашей статьи. Язык прямо связан с римскими правовыми, политическим и культурно-религиозными реалиями. Напомним, насколько существенно в римской религии было различать обряды по «отеческому», «греческому», «иноземному» обычаям, сколь важны были религиозно-магические песни-молитвы, исполнявшиеся некоторыми жреческими коллегиями – даже если исходное их значение было утеряно. Все это было связано с представлением о единстве римского социума, связанного системой сакрального права с окормляющими и защищающими его богами. Язык, даже за рамками храма, суда и сената, с точки зрения консерваторов, также был частью этого единства (можно вспомнить Катона Старшего с его представлением об исконно римском красноречии, отличавшимся от навязываемого эллинофилами греческого).

В наибольшей степени этот сюжет станет актуальным, когда римская культура и стоящие за ней «горизонты понимания» римской государственности столкнулись с культурой и политическими реалиями совсем иного типа – христианского. Ярчайшим примером стала «языковая политика» Юлиана Апостата, который издал (или собирался издать) эдикт, который запрещал христианам осуществлять преподавание в области, как мы бы сейчас сказали «высшего образования» (363 г.). Мы согласны с суждением Д.С. Бирюкова: «Можно зафиксировать определенную связь между аргументацией Юлиана в связи с его эдиктом о запрещении христианам преподавать и его представлениями о природе имен языка как о том, что дано изначально и неким существенным образом связано с именуемыми. Те, кто не признают существования традиционных богов, подразумевалось Юлианом, не должны вводить учащихся в круг классического образования, т. е. обучать на примере сочинений, повествующих об этих богах – потому, что слово и имя жестким образом связано с именуемым».⁴⁰ Все это с одной стороны соответствовало тому пониманию языка, особенно языка теологии и теургии, которое развивается в античном неоплатонизме со времен Ямвлиха,⁴¹ но с другой стороны никак не противоречило той тенденции языкового консерватизма, рассмотрения языка как стихии не свободной от политических, моральных, религиозных (в XIX–XX веках сказали бы «идеологических») контекстов его существования, которая, в известной мере, проявляется в тексте Цезаря.

⁴⁰ Бирюков 2007, 100. Срв. Elm 2003, 263–280.

⁴¹ См. Курдыбайло 2018a, 480–498 и 2018b, 86–124.

К слову, известный эдикт императора Юстиниана, запретившего язычниками работу в качестве преподавателя (529 г.), связан с тем же стремлением к чистоте языка, только теперь языка христианской образованности.

Подводя итог рассмотренному сюжету, можно констатировать, что трактат Цезаря следует рассматривать как своеобразное воплощение идеологии, заложенной за несколько десятилетий до Цезаря в Александрийской грамматике применительно к греческому языку – стремление к закреплению свободной от вульгаризмов и искажений формальной языковой нормы, опирающейся на строгие грамматические правила и законы и соответствующие духу римской традиционной культуры, религии и государственности. Идеализируя и апологизируя формализованное и неизменное грамматическое «*ratio*», полученное в наследство от славных предков, Цезарь выступает не только в качестве ревностного защитника языковой нормы былых столетий, но и в качестве безусловно убежденного в собственной правоте активного реформатора, исправляющего и преобразующего латинский язык, пораженный болезнью варваризации. Выявив социолингвистические причины этой болезни – демографические изменения, закономерно вызвавшие процессы языковой трансформации, Цезарь, со свойственной ему решимостью, вызвался воспрепятствовать данному процессу. Идея «очищения языка», черпающая себя в сколь же пафосной, столь и наивной ностальгии римского нобилия по славному прошлому вынуждает его вновь и вновь доказывать необходимость, воспротивившись неугодным переменам, «императивной» политической волею установить единые и неизменные грамматические стандарты в области лексикологии, морфологии и орфографии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бирюков, Д.С. (2007) *Философские основания неопарианства*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Санкт-Петербург.
- Драчёва, Н.В. (2013) *Лингвистическая терминология Марка Теренция Варрона (на материале VIII–X книг трактата «De Lingua Latina»)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- Дуров, В.С. (1991) *Юлий Цезарь: человек и писатель*. Ленинград.
- Дуров, В. С. (2000) *История римской литературы*. Санкт-Петербург.
- Каракулаков, В.В. (1965) «Роль Варрона в развитии учения об “условиях правильности аналогии” в системе словоизменения», *Вопросы русского и общего языкознания*. Душанбе: Изд-во «ИРФОН», 135–159.
- Кузнецова, Т., Стрельникова, И. (1976) *Ораторское искусство в древнем Риме*. Москва.
- Курдыбайло, И. П., Курдыбайло Д. С. (2018) “О философии языка Порфирия и Ямвлиха”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2, 480–498.

- Курдыбайло, И. П., Курдыбайло Д. С. (2018) "Онтология имени и именованя в комментарии Прокла на «Кратил» Платона," *Платоновские исследования* 8.1, 86–124.
- Перельмутер, И.А (1980) "Философские школы эпохи эллинизма," *История лингвистических учений: Древний мир*. Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Канцельсон. Ленинград.
- Утченко, С. Л. (1969) *Древний Рим. События, люди, идеи*. Москва.
- Утченко, С. Л. (1977) *Политические учения Древнего Рима*. Москва.
- Хайек, Ф. (2003) *Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом*. Москва.
- Ax, W. (1996) "Pragmatic argument in *De Lingua Latina* IX," *Ancient Grammar: Context and Context*. Orbis. Supplementa. Peeters. Leuven / Paris, t. 7, 115–118.
- Barry, J. M. (2005) *Fides in Julius Caesar's Bellum Civile: A Study in Roman Political Ideology at the Close of the Republican Era*. PhD diss. University of Maryland.
- Blank, D. (2005) "Varro's anti-analogist," *Language and Learning Philosophy of Language in the Hellenistic Age*. Ed. by D. Frede, B. Inwood. Cambridge, 210–238.
- Blank, D. (1994) "Analogy, anomaly and Apollonius Dyscolus," *Language*. Ed. by Stephen Everson. Cambridge, 149–165.
- Collart, J. (1954) *Varron grammairien latin*. Paris.
- Collart, J. (1962) "Analogie et anomalie," *Entretiens sur l'antiquité classique*. Genève, 117–140.
- Colson, F.H. (1919) "The Analogist and Anomalist Controversy," *The Classical Quarterly* 13.1, 24–36.
- Elm, S. (2003) "Historiographic Identities: Julian, Gregory of Nazianzus, and the Forging of Orthodoxy," *Zeitschrift für Antikes Christentum* 7.2, 263–280.
- Garcea, A., ed., tr. (2012) *Caesar's De analogia*. Oxford.
- Grammaticae Romanae Fragmenta* (1907). Ed. G. Funaioli. Lipsae. Vol. I.
- Hendrickson, G. L. (1906) "The De Analogia of Julius Caesar; Its Occasion, Nature, and Date, with Additional Fragments," *Classical Philology* 1.2, 97–120.
- Klotz, A. (1910) *Cäsarstudien*. Leipzig.
- Taylor, D. (1974) *Declinatio. A study of the Linguistic Theory of Marcus Terentius Varro*. Amsterdam.
- Russian language sources transliterated:*
- Biryukov, D.S. (2007) *Filosofskie osnovaniya neoarianstva*. Diss. St. Petersburg.
- Drachyova, N.V. (2013) *Lingvisticheskaya terminologiya Marka Terenciya Varrona (na materiale VIII – X knig traktata «De Lingua Latina»)*. Diss. Moscow.
- Durov, V.S. (1991) *Yulij Cezar: chelovek i pisatel'*. Leningrad.
- Durov, V. S. (2000) *Istoriya rimskoj literatury*. St. Petersburg.
- Karakulakov, B.B. (1965) "Rol' Varrona v razvitiy ucheniya ob «usloviyax pravil'nosti analogii» v sisteme slovoizmeneniya," *Voprosy russkogo i obshhego yazykoznaneya*. Dushanbinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. Dushanbe, 135–159.

- Kuzneczova, T., Strel'nikova, I. (1976) *Oratorskoe iskusstvo v drevnem Rime*. Moscow.
- Kurdybajlo, I. P., Kurdybajlo D. S. (2018) "O filosofii yazyka Porfiriya i Yamvlixa," *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2, 480-498.
- Kurdybajlo, I. P., Kurdybajlo D. S. (2018) "Ontologiya imeni i imenovaniya v kommentarii Prokla na «Kratil» Platona," *Platonovskie issledovaniya* 8.1, 86-124.
- Perelmutter, I.A (1980) "Filosoyaskie shkoly epoxi ellinizma," *Istoriya lingvisticheskix uchenij: Drevnij mir*, red. A. V. Desniczkaya, S. D. Kancelson. Leningrad.
- Utchenko, S. L. (1969) *Drevnij Rim. Sobytiya, lyudi, idei*. Moscow.
- Utchenko, S. L. (1977) *Politicheskie ucheniya Drevnego Rima*. Moscow.
- Hayek, F. (2003) *Kontrrevolyuciya nauki. Etyudy o zloupotrebleniyax razumom*. Moscow.